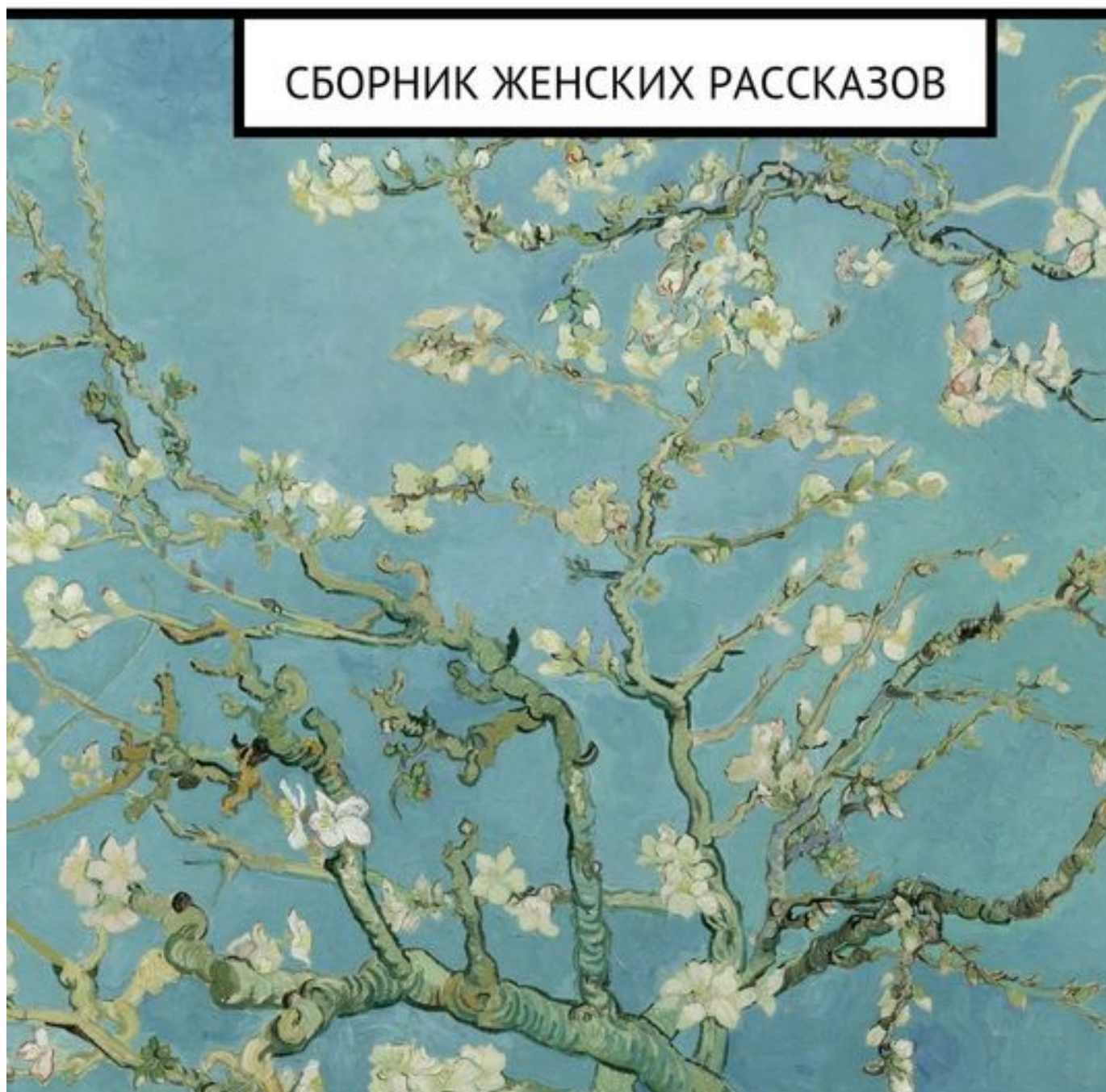

ЕЛЕНА ЖУКОВСКАЯ

Возраст совершенства

СБОРНИК ЖЕНСКИХ РАССКАЗОВ

Елена Жуковская
Возраст совершенства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11960721

ISBN 9785447425869

Аннотация

Рассказы, вошедшие в сборник, были написаны в 90-е годы, в трудные времена, в эпоху перемен. В основном это рассказы о жизни молодых женщин, в судьбах которых происходят самые обычные для того, да и для любого другого времени события. Это истории взлетов и падений, радостей и несчастий, любовных переживаний и разочарований. Каждый рассказ, как окно в чью-то жизнь, так похожую и так не похожую на вашу. Два из этих рассказов: «Артемка» и «Женское счастье» стали лауреатами литературных конкурсов.

Содержание

Возраст совершенства	5
Артемка	13
Всего одна ночь	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Возраст совершенства
сборник женских рассказов
Елена Жуковская**

© Елена Жуковская, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Возраст совершенства

Сегодня Оксана поняла, что Егор вырос, и вырос совсем не таким, как ей хотелось бы. Она знала об этом и раньше, но не желала признавать поражение. Ему тринадцать лет, несчастливое число, трудный возраст. Но ведь все равно он еще ребенок. Куда он без нее? Она и постирает, и приготовит, и уроки поможет сделать. Она хорошая мать. Но он сказал сегодня:

– Ты достала меня своими проверками. Понимаешь, достала! Не хочу больше, не подходи ко мне, не лезь!

Не сказал, выкрикнул. Огромные глаза распахнулись и сузились. Руками взмахнул, как подстреленная птица крыльями. Отчаяние и злость в голосе. Он мог бы и ударить. Да, мог бы. Но она вышла из комнаты, хлопнув дверью, завывала в подушку:

– Дождалась...

– Да замолчи ты там, не разжалобишь. Я решил! Ясно тебе, я решил!

Что он решил? Вот так мучить ее своими безумными выходками? Как она устала от скандалов! Или это просто капризы неразумного юноши? Надо терпеть. Он ее сын. Значит, надо терпеть.

Она давно уже жила лишь в двух состояниях: терпения и раздражения. Давно – это значит, где-то около года. Тогда, ни с того ни с сего, а, может быть, и очень даже обосновано, она вдруг почувствовала, что вся состоит из комка нервов, что все ее достало и доконало. И угрюмый молчаливый муж, и непослушный бунтующий сын, и заботы о них, и работа, и все, все, все. А впрочем, ничего больше и не было ни тогда, ни теперь в Оксаниной жизни.

– Опять ревешь? Ну, ну.

Это вернулся с работы Антон. Больше она ничего не услышит. Она их тоже достала и доконала. Почему же так получилось?

Ревела, пока не кончились слезы. Чуть-чуть подремала. Встала за полночь. Тихо. На кухне приготовила себе чай, выпила горсть таблеток. Опять спать. Антон лег в гостиной. Егор вообще неизвестно дома ли. Как жить дальше? Ей ведь всего тридцать четыре. Все могло только начинаться, а она уже успела загнать свою жизнь в тупик. Куда спешила? А вот сложилось бы все иначе...

Она всегда вспоминала одно и то же. Май. Санкт-Петербург. Набережная Невы. Он – высокий спортивный парень, светловолосый, голубоглазый. И она – тогда еще совсем юная, вся в непослушных кудряшках и скользком приятном шелке. Лопается нитка ее жемчужного ожерелья, и бусинки падают в воду. Это был их последний день. Начало конца. Она уже знала его тайну.

– Ты мой ангел, моя принцесса, – шептал он ей в ушко.

Она смотрела на катящиеся бусы. И точно такой же величины слезы катились по ее щекам. Слезы счастья, которое она познала, и слезы расставанья, которое предстояло им.

Теперь в подушку лились совсем другие слезы. Совсем другой человек похрапывал в гостиной. И город был совсем другой. И осень на дворе.

Будильник зазвонил в семь. Потолкались на кухне. Механически выполнили все то, что обычно делается утром. Егор взглянул на мать исподлобья. Антон, что-то сказал неразборчиво. И они ушли один за другим.

Оксана вымыла посуду. Переоделась, подкрасилась. Пора на работу. Работала Оксана в весьма подозрительной конторе, которая занималась рассылкой разного рода рекламной чепухи. Начальников у Оксаны было двое: пожилой отставной военный Иван Степанович и его племянник чернявый парень без образования по имени Костик. Они заказывали в типографии разные листовки и буклеты, а Оксана рассылала их по адресам. Это было не совсем

честное предприятие, которое делало деньги из бумаги. Ворох бумаги уходил к доверчивым гражданам, и они, околдованные всякого рода обещаниями, высылали Ивану Степановичу и Костику свои честно заработанные деньги.

Идея скрещивания финансовой пирамиды, интеллектуальной игры и лотереи пришла в голову кому-то из двух Оксаниных начальников уже давно. Все шло замечательно. Но все понимали, что бесконечно долго так продолжаться не может. И Оксана подумывала уйти с этой неперспективной, и даже опасной работы, подальше от греха, но Антон сказал:

Ты столько нигде не заработаешь, даже со своим красным дипломом.

– А, может быть, и не я вовсе должна зарабатывать?

Не надоело меня попрекать?

– А тебе жить вот так с копейки на копейку не надоело? Мне приходится каким-то жуликам подчиняться, чтобы Егор мог хорошо питаться, чтобы...

– Давай, давай, ребенка еще куском хлеба попрекни.

– Да не об этом же я, слышишь ты меня хоть?

– А чего тебя слушать? Старая пластинка.

Он устался в газету. Бубнил телевизор. Бубнила Оксана. Не в первый раз и не в последний.

Она вышла замуж сгоряча. Так часто бывает после бурных романов, красивых и печальных. Так было и у нее. Отличница третьекурсница политехнического института она поехала на научно-студенческую конференцию в Санкт-Петербург. Выезжала группа из шести студентов с научным руководителем. Еще когда на перроне они ждали поезда, она заметила Алексея. Он стоял, обнимая гитару, в компании старшекурсников.

Их научный руководитель, молодая преподавательница Татьяна Николаевна, или Ньюша, как они потом ее ласково прозвали, страшно нервничала. Билеты указывали на места в разных вагонах, и она, пытаясь распределить эти места, никак не могла всем угодить и соблюсти все правила. Алексей взял у нее билеты.

– Татьяна Николаевна, все будет хорошо, вот ваше место, идите отдыхайте, – сказал он, протягивая ей непарный билет на место в предпоследнем вагоне, – Нижняя полочка, вагончик качается, спите крепко, а мы никуда не денемся, доедем.

Ньюша, побросав сумки, в отчаянии заламывала руки.

– Ну, пока, встретимся на царственной земле, – добавил он и направился к поезду, увлекая следом всю компанию.

Оксана тоже пошла за ними. Ребята разбредались по вагонам, не обращая внимания на то, что Ньюша пыталась сопротивляться такому самоуправству, бросая им вслед бессвязные фразы. Потом отступила, отстала.

Алексей обернулся, словно случайно заметив хрупкую кудрявую девушку, остановился.

– Как тебя зовут?

– Оксана.

– Пошли со мной.

Она пошла. Вечером он пел ей из Розенбаума: «Умница, ах, мама, что она за умница...» Ночью они целовались в тамбуре. А утром она уже не могла без него жить.

В Санкт-Петербурге, отчего-то необычно солнечном, он вынес ее из вагона на руках, вместе с сумками и гитарой.

Ньюша хлопала круглыми глазами. Она уже ничего не могла поделать.

В гостинице Алексей все устроил так, что они могли жить в одном номере. Он будто шалил, отрывался. Он все делал напоказ. Вся гостиница слышала его серенады. Утром поварили ранний кофе, чтобы Алексей мог принести его Оксане в постель. С конферен-

ции он убегал за розами. А вечерами Нюша ждала их в холле, упрашивая швейцара, не закрывать после одиннадцати.

Они не смотрели на часы. Они были счастливы.

– Ты меня околдовала, ты колдунья, – говорил Алексей.

– Я просто тебя люблю, – отвечала она.

– Все не просто, ничего не бывает просто так.

Она иногда не понимала его. Но это было не важно. Он так пел, и так целовался, и цветы так пахли...

Однажды Нюша буквально прижала ее к стенке.

– Что ты делаешь, девочка? – прошептала она, скорее сочувственно, чем осуждающе, – Ты ж о нем ничего не знаешь.

Оксана взглянула на нее победно, сверху вниз, как счастливая женщина могла бы смотреть на старую деву. Нюше и впрямь было пора замуж, уже около тридцати. Она казалась просто незамужней завистницей, не то карьеристка, не то синий чулок.

– Вам-то что? Доклад я сделала. А все остальное вас не касается.

– Он женат, у него двое детей.

Оксана открыла рот, но лишь закусил губу.

Вернувшись в номер, она ничего не сказала Алексею. Она боялась обидеть его этой гнусной злой ложью, но еще больше она боялась, что это окажется правдой.

Уже в поезде, когда они уединились в купе проводника, она спросила:

– Ты женат?

– Да, – ответил он без паузы.

– Это не имеет значения?

– Сейчас нет.

– А потом, когда мы приедем?

– Мы с тобой расстанемся.

Она все равно ничего не могла с собой поделать. Она любила.

Как только поезд прибыл на вокзал, они действительно расстались. Его встречала симпатичная брюнетка с двумя девочками-близняшками.

– Это его дочери? – спросила Оксана у Нюши.

– Да.

Оксана хотела еще что-то спросить. Но Нюша взяла ее под руку и потащила куда-то в сторону.

– Ты о нем больше не думай, – твердила она, как будто давала урок бестолковому ученику, – Он не твой. Ты займись учебой. Ты умненькая девочка.

Оксана вышла замуж через три месяца, за подвернувшегося ей тогда паренька, за Антона. На четвертом курсе родила Егорку. А пятый закончила с красным дипломом.

Алексея она видела всего несколько раз. Он закончил учебу еще до ее свадьбы. Зато во сне, в мечтах и в лицах прохожих мужчин она видела его до сих пор.

На работе ее уже ждал Костик. Черноволосый, высокий, с глазами-бусинками, он очень нравился девушкам. Нравилась девушкам и его деньги. Но при всем при этом он не был эгоистичен, избалован, даже, пожалуй, несколько простоват для своего положения. У него не было постоянной подруги, но у него был идеал. Как-то он сказал Оксане:

– Вы, Оксана, слишком хороши для меня. У вас есть что-то такое, что заставляет мужчин бояться. Стил, шарм, изюминка – уж не знаю, как назвать. А только вы мечта, а не женщина. С вами вот так просто не переспишь.

Оксану не шокировали его слова. Ей нравились отношения на грани. Но Костик был глуповат, чтобы принять ее правила игры. Он говорил все, что приходило ему в голову, и это выглядело пошло.

– Костик, ты слишком юн, чтобы разбираться в женщинах. Да и не нужно тебе это. Ты просто их люби.

– А вас?

– И меня люби, если хочешь, только платонически.

– Я так не умею, – обиделся он, и на следующий день был уже с очередной подружкой. Оксана возилась с ворохом корреспонденции. Костик сидел на подоконнике и молчал.

– Что-нибудь случилось? – спросила Оксана.

– Да. Я, кажется, влип. Та блондинка-карамелька, с которой я гулял в прошлом месяце, говорит, что беременна.

– Не обманывает?

– А что, думаете, может обмануть?

Ах, наивный Костик!

– С такими нужно быть поосторожнее.

– А я разве не осторожно? Я все сделал. Я что в первый раз что ли? Думаете, не знаю, от чего дети родятся?

– Значит обманывает.

– Я теперь тоже так думаю.

Пришел Иван Степанович, разогнал их посиделки. Обоих озадачил до конца дня. Механическая, нудная работа не давала возможности отвлечься от собственных мыслей, забыться. Домой не хотелось. Она прекрасно понимала, что дома ее ждет очередной скандал. Затекли плечи, заболели глаза. Несколько десятков оформленных по всем правилам рекламных писем стопкой лежали на столе. Кто-то ведь обрадуется ее письму, и только через несколько месяцев, поняв, в чем подвох, пустит в ее адрес проклятья, а кто-то сразу бросит письмо в мусор. До чего же бесполезной была ее работа, до чего же бесполезной получилась вся ее жизнь.

Заглянул Костик.

– Вы еще здесь? Я за почтой. Подвезти?

Может быть, осчастливить Костика. Сказать что-нибудь соблазнительно непристойное. И он поймет, подвезет не к ее дому, а к своему. В ее жизни так не хватает удовольствия. Но это тоже от лукавого. Только любовь могла бы что-то изменить. Только любовь. Бог есть Любовь.

– Нет, спасибо, Костик, я прогуляюсь. Как твоя блондинка?

– А ну их всех!

Егорка был уже дома, когда она вошла, нагруженная пакетами с продуктами.

– Как дела, Егор? – спросила с кислой улыбкой, переступая через материнскую гордость, оскорбленное самолюбие.

– Отстань. Вчера поговорили.

Посторонний Костик доверяет ей, советуется. А родной сын как будто ненавидит. По меньшей мере, не уважает. Заслужила! Работает не пойми кем, живет с нелюбимым мужем.

Умница, отличница, красавица, стиль, шарм, изюминка... Почему же не сложилось? Что же не так?

Еще один вечер терпения. А на следующий день Антон уехал в командировку. Егор демонстративно перешел жить к бабушке. Она осталась одна на три дня.

Только тишина. Оксана вытащила старый чемодан со своими бумагами. Она хранила все подряд: конспекты лекций, блокноты, письма, открытки, фотографии. Как будто сразу на пятнадцать лет назад. Не чемодан, а машина времени.

Вот они с Алексеем на Мосту Поцелуев. Эту единственную фотографию она выпросила у кого-то из старшекурсников. Они гнали ее как назойливую муху. Было неприятно, стыдно. Но все же она тогда узнала его адрес и заполучила эту фотографию.

Алексей с семьей жил у своей бабушки в старом двухэтажном доме. Окна его квартиры выходили на стоматологическую поликлинику. Жужжали бормашины, специфический медицинский запах бил в нос, а она часами сидела в засаде, ожидая, что он выйдет. Она только хотела его увидеть, больше ничего. Везло ей нечасто, за месяц она увидела его всего шесть раз. И еще четыре раза в институте. Он даже не повернул головы в ее сторону. Она удивлялась, возмущалась, негодовала, но никто об этом и не догадывался.

Тишина начинала давить. Появилось чувство, что кто-то заглядывает ей через плечо. Оксана поднялась, включила приемник. Популярная радиостанция принимала заявки в прямом эфире. Оксана записала телефон, потом долго крутила диск, пока ей не ответил ведущий. Она выбрала песню, что-то из «Битлз». И сказала всему городу:

– Эта песня для Еремеева Алексея. Мы не виделись много лет. Но я его по-прежнему очень люблю.

Потом она слушала песню, которая казалась ей незнакомой и некрасивой. Совсем не то чувство лилось из эфира. Она хотела чего-то другого. Она не находила себе места. Опять сняла телефонную трубку, набрала 09.

– Телефон Еремеева Алексея Алексеевича, пожалуйста. Нужен адрес?

Она, немного путаясь, назвала его старый адрес.

– Не проживает по этому адресу? Ну, тогда по другому адресу, я не знаю...

Оксана заволновалась. Телефонистка ответила:

– Адресов мы не даем. Телефон абонента Еремеева А. А., записывайте, пожалуйста...

Она записала, и тут же набрала. Пропищал определитель номера, и она спохватилась.

Нельзя так сразу, надо подумать, как к нему подступиться.

Трубку сняла женщина.

– Вы гараж продаете? – брякнула Оксана, первое, что пришло в голову.

– Нет.

– Извините.

Оксана положила трубку. Может быть, это вовсе не тот Еремеев. А если и тот, что дальше?

Она оделась и пошла по осенней улице, наполненной сырыми красками, к стоматологической поликлинике. Идти было не близко. Шуршали под ногами листья, ветер путал волосы, набегающие тучки грозили дождем. Оксана шла навстречу своему прошлому.

Дом, где раньше жил Алексей был совсем перестроен, в нем разместились какие-то офисы и магазины. Она вошла в крохотную кондитерскую. Огляделась. Наверное, вот здесь была его комната, точнее, их спальня. Она купила торт и вино. Вернулась и отпраздновала свою неудачу.

Еще два дня она звонила по тому номеру, с работы, из телефона-автомата. Трубку всегда брала женщина. И Оксана всегда спрашивала у нее что-то. И та отвечала отрицательно. Наконец, набравшись храбрости, Оксана сказала:

– Пригласите, пожалуйста, Алексея Алексеевича.

На том конце молчание, долгое и тяжелое. Потом мужской голос:

– Я слушаю.

– Я передала для вас песню, – сказала она, – Даже не узнав его.

– Не понял, кто это?

Она тоже не поняла кто это. И положила трубку. Голос сиплый, недовольный. Его голос она помнила другим.

Антон вернулся. Вернулся Егорка. Вернулось состояние терпения и раздражения.

Через несколько дней пошли дикие проливные дожди. Стало совсем мрачно. Оксана возвращалась с работы. Бегом по лужам, едва прикрытая срываемым ветром зонтом, она вбежала под навес автобусной остановки. Там уже столпилось народу больше, чем следовало. Все дрожали, толкались, недовольно гудели. Закрывая зонт, Оксана задела полную женщину в зеленом плаще. Та обернулась:

– Нельзя ли по осторожнее?

Женщина задержала взгляд, улыбнулась. Оксана узнала ее, это была Нюша. Располневшая, но очень элегантно одетая, с удачной стрижкой и маникюром, без обручального кольца.

– Ну и встреча! Здравствуйте, Татьяна Николаевна.

– Узнала, Оксанушка! Приятно, когда тебя узнают через пятнадцать лет, спасибо.

– Рада вас видеть. Недавно вспоминала...

– Интересно. Пойдем-ка посидим, поболтаем.

Они перебежали дорогу и укрылись в маленьком кафе. Заказали салат и бутылку вина. Минут через пятнадцать разговор налачился:

– Вы по-прежнему преподаете?

– Да. Защитилась. Теперь заведу кафедру. А ты где работаешь?

– Секретарем в коммерческой фирме.

Небольшая заминка не ускользнула от Нюши.

– Наверное, платят хорошо?

– Хорошо.

– Диплома не жалко?

– Честно? Давно хочу работать по специальности, ушла бы, да некуда.

– Это не проблема. Я тебе помогу. Мои бывшие студенты теперь сплошь начальники.

Так что будешь моей протеже! Не против?

– Ой, спасибо. Так неожиданно.

Пауза. На языке вертится вопрос. Оксана смотрит на Нюшу. Та мягко улыбается всем своим добродушным полным лицом. Ждет вопроса. Понимает.

– Не знаете, как у Алексея дела?

– Он уехал. Лет десять уже как подались они всей семьей на север. Не знаю уж зачем ехали: за деньгами, или за романтикой, но прижились они там. Пишет иногда бывшим однокурсником.

– Я не догадывалась даже.

– А зачем тебе? Как живешь-то? Как дела?

– Ничего.

– Ну, ничего – это пустое место. А у тебя, наверное, муж, ребенок.

– Да.

– Ну вот, а ты говоришь! Выглядишь очаровательно. Я тебя сразу узнала, будто и не было этих пятнадцати лет. Сколько тебе теперь?

– В декабре будет тридцать пять.

– Чудесный возраст. Возраст совершенства.

– Как это?

– Надежный, проверенный временем муж, повзрослевшие дети, определенная ступень в карьере, еще не поблекшая внешность, легкий флирт... Все сошлось?

– Пожалуй. Только...

– Не жалуйся. Все остальное зависит от тебя одной. Разве нет?

– Вы правы, Татьяна Николаевна.

Вечером она испекла пирог. Надела платице с оборками. Улыбка не сходила с лица. Будто заразилась она от Нюши этой мягкой улыбкой.

Явился Егорка.

– Привет, Горошек!

Она назвала сына так, как называла раньше, ласково, любя. Коснулась его плеча. Взяла из рук рюкзак.

– Подождем папу и будем есть пирог, ладно.

– Че за праздник?

– Не знаю.

Егор ушел в свою комнату, хмыкнув. Через полчаса вернулся с работы Антон. Она ждала его у двери. Поцеловала в щеку. Просто так поцеловала. Потому что у нее есть муж, а у Ньюши нет.

За ужином она рассказала, что встретила бывшую преподавательницу.

– Ньюша предложила мне помощь. Обещала найти хорошую работу. Я завтра собираюсь писать заявление об уходе.

Антон молчал. А Егорка оживился:

– Давно пора.

Оксана обняла его в порыве благодарности. Он не сопротивлялся. Антон тоже смягчился, улыбнулся, сказал тихо:

– Вкусный пирог.

– Ах вы мои хорошие...

Хорошие разбрелись по комнатам. Егор заперся у себя, Антон улегся на диван, задремал.

Оксана осталась на кухне в окружении грязной посуды.

Нет, так просто она не отступит. Надежный муж Антон, самый дорогой и любимый повзрослевший сын Егорка, блестящая карьера впереди, радующее отражение в зеркале, легкий флирт с глупым Костиком и неведомым Алексеем Алексеевичем. Совершенство?... Так ли? Но теперь она уж точно знает, чего хочет, и еще пока ого-го как может. Такой возраст.

Она постучала в комнату сына.

– Ну, чего еще?

Осторожно приоткрыла дверь. Егор лежит на диване. Из магнитофона тихонько поют «Битлз».

– Можно послушать с тобой?

– Садись, слушай.

Через полчаса заглянул Антон.

– Вы что тут шушукаетесь?

– Пап, ты представляешь, а мама для нас «Битлз» на радио заказывала. Звонила в прямой эфир. Жаль, я не слышал. Во дает правда!

– Я же скучала.

Она прислонилось щекой к щетинистой щеке Антона. Ложь давалась ей легко. Совсем казалась правдой.

– Послушайте, давайте погуляем сегодня вечером вместе. Зайдем к бабушке. У нас еще полпирога осталось. Так что не с пустыми руками!

– Не, не охота что-то. Я и так у бабули три дня торчал.

– Ну что, может быть тогда мы вдвоем? – Оксана с надеждой посмотрела на Антона. Он размяк от ее прикосновений.

– Как хочешь.

– Хочу!

– Ну, ладно, и я с вами.

Она погладила сына по стриженной голове.

– Ах ты, Горошек, мой дорогой.

Свекровь обрадовалась их визиту. Славно, по-домашнему посидели. Вернулись поздно. Довольные.

Оксана чмокнула на ночь Егорку. И пошла в спальню, учиться любить мужа.

Пройдет еще месяц-другой, ей исполнится 35, возраст совершенства.

Артемка

Завтра день рождения Артёмки. Круглая дата – 10 лет. А ровно через полгода, день в день, Жанне исполнится 40. Никакой магии чисел. Просто повод посидеть на лоджии, укутавшись в теплый плед, и, глядя вдаль сквозь играющие бликами витражи, поразмышлять, повспоминать...

Солнце слепит глаза, греет не по-осеннему тепло. Цветные стекла каждым своим осколком делают мир разным: то прелестно-розовым, то нежно-голубым, то изумрудно-зеленым. А тогда был снег, первый, пушистый, крупный. Жанна видела перед собой огромное, как экран в кинотеатре, окно, и весь мир был белым и пушистым. Жанна лежала на родильном столе напротив этого волшебного окна. Она стонала, кричала, умирала и воскресала. Она рожала. Так в этот мир пришел Артемка.

Жанна очень боялась родов. Давным-давно, случайно допущенная во взрослую компанию маминых подруг, она подслушала обычные женские разговоры. Фразы, не предназначенные для детских ушек, заставили Жанну дрожать от страха и негодования. Неужели и ей придется пройти через это? И вовсе нет никакой радости материнства, есть боль, кровь, унижение. Она твердо решила, что никогда не будет рожать. И еще лет двадцать оставалась верна себе.

Жанна вышла замуж в двадцать один год. Она окончила педагогический институт, получила диплом учителя-филолога и как бы перевернула страницу веселой студенческой юности. Ей захотелось чего-то основательного, серьезного, крепкого, своего. Она решила, что ей пора заводить семью. Решила не по-девичьи, скорее рассудком, чем сердцем.

Но вышла замуж не по расчету, по любви. Олег был тогда молодым лейтенантом. Он был основательный, серьезный, крепкий, свой... Она знала, что любит его. И он об этом догадывался.

Ей не запомнилась свадьба. И медовый месяц получился не сладким. У него служба, у нее заботы об устройстве быта, поиски работы.

Отец помог Жанне получить работу преподавателя литературы в сельскохозяйственном техникуме. Работа казалась ей невыносимой. По вечерам Жанна писала конспекты, ночами учила их наизусть, а на следующий день час за часом пересказывала этот околотеатурный бред равнодушным студентам-агряриям. Жанна не сбежала из техникума сразу же, только из уважения к отцу. Он был так горд за нее и за себя. Она пыталась оправдать ожидания. Так прошел год. Весь год Жанне снился жуткий сон. Как будто она стоит в большой аудитории перед группой студентов совершенно голая, прикрываясь лишь папкой для конспектов. Пытаясь уйти от жестоких насмешливых взглядов, она пятится к дальней стене, но ноги подкашиваются. И вот она падает на колени. Все. Звенит звонок. Будильник в очередной раз спасает ее от продолжения кошмара.

Она пришла к отцу, сказала, что больше не может, что иссякло терпение, и уволилась.

А летом они с Олегом поехали в Феодосию. Первый раз она увидела море. Было так хорошо. Так хорошо может быть только один раз в жизни.

Жанна вспомнила худенькую тетю Варю, что сдавала им пристройку. Вечерами она любила увести Жанну в беседку, увитую лозой, и там за чашкой чаю вести пустые разговоры.

– Ох, и парень тебе достался, добрый парень, – говорила она, щуря выцветшие глазки, – Не упусти.

Жанна смущенно улыбалась.

– Доброта-то дороже денег.

Жанна пожимала плечами.

– Не понимаешь? Потом поймешь, на это надо время.

Они уехали, чтобы еще семь раз вернуться. Но никогда уже не было так хорошо. Море становилось привычным, пристройка убогой, тетя Варя старой и ворчливой...

Через два года умер отец. Страшнее этого в ее жизни еще ничего не было. Отец умер совсем не старым, даже до пенсии не дожил, и до рождения внука. Никто не мог заподозрить, что у него так сильно изношено сердце. Не в пример вечно больной матери, он никогда не ходил по врачам. Но Жанна знала, что потеряет отца, ее предупредили.

Это случилось за несколько месяцев до его смерти. Тогда Жанна уже год работала в обычной школе, преподавала русский язык в пятых классах, и теперь ей не снился тот ужасный сон.

Однажды вечером, когда уроки закончились, и в школе остались только дежурные да активисты, Жанна сидела одна в учительской, склонившись над стопкой тетрадок.

Вдруг дверь тихонько открылась и на пороге возникла чернявая немолодая женщина.

– Вы кого-то ищите? – Жанна подняла на нее воспаленные глаза.

– Вас.

– Да? Проходите, пожалуйста.

Отработав достаточно, чтобы знать в лицо и по именам всех родителей своих учеников, она была смущена тем, что не знала эту женщину. Но может какая-нибудь родственница, а то и вовсе соседка...

– Простите, я не знаю...

– И не надо, – ответила женщина и тут же заговорила быстро, – Горе у тебя будет, умрет мужчина, дорогой тебе мужчина.

– О-о-о, – протянула Жанна, отгораживаясь руками, – Не хочу слушать. Я не верю ни во что, уходите.

Цыганка, черт ее принес. Как ее теперь выгнать?

Женщина покрыла голову болтавшимся на плечах цветным платком. Но уходить не собиралась, а наклонилась через стол и, глядя Жанне в глаза, забормотала еще быстрее:

– Горе пройдет, все плохое пройдет. Будет счастье, все у тебя будет. В 40 лет ты будешь иметь все: квартиру, машину, дачу, деньги, сына и дочь.

– А муж? – спросила Жанна, – Муж ведь ... ну, вы же сказали.

– Нет, он будет с тобой.

– Ага, понятно. То умрет, то воскреснет... Идите-ка вы отсюда, по-хорошему, а то крикну кого-нибудь, милицию вызову.

– Не веришь, а ведь вспомнишь потом. Не муж, другой человек умрет, старше, родной по крови. Сейчас бумажку свернешь, беду заговорю, выброшу. А счастье с тобой оставлю.

– Какую бумажку?

– Какую для счастья не жалко.

Из тетрадки лист? Жанна открыла аккуратную тетрадку. Нет, разорвать рука не поднималась.

– Нет, не такую, другую. Надо чтоб твоя была бумажка.

Жанна взяла сумочку. Вытряхнула из нее все содержимое: расческу, помаду, пудреницу, кошелек, две карамельки, носовой платочек.

Их взгляды пересеклись на кошельке. Жанна открыла его, даже обрадовавшись, что там оказались бумажные деньги. Цыганка вытащила купюру, помяла в руках, дунула и та исчезла, наверное, у нее в рукаве. Жанна сидела околдованная, немая.

– Золото, милая, счастье тебе принесет. На золоте заговорю. Вспомнишь...

И Жанна стала поспешно снимать с пальца перстенок.

В это время в учительскую вошел физик Иван Лаврентьевич, пожилой, старой закалки учитель. Увидел бледную обезумевшую Жанну, смуглую женщину в платке перед ней, кошелек на столе, перстень на ладони. Все понял.

– А ну, ну. Давай отсюда, хорошая, быстро-быстро, геть, поспеши.

Цыганка выскользнула в мгновение. А Жанна потом долго не могла прийти в себя и почему-то испытывала стыд и перед Иваном Лаврентьевичем и перед подоспевшей следом чопорной англичанкой Антониной Львовной. И даже перед старенькой математичкой Фаиной Дмитриевной, которая, как оказалось позже, и была виновницей появления цыганки в школе, пригласив ее через знакомых, заговаривать свои больные суставы.

Самое странное, что цыганка оказалась права. Умер отец, и в 40 лет Жанна имела перечень нагаданных благ.

А еще она продала тот перстень. Тот и еще один, подаренный мамой. Продала, чтобы оплатить роды.

Но роды предстояли еще нескоро. После смерти отца свалилась мама. Буквально лежала и плакала сутки напролет. Жанна никогда не догадывалась, что мать так любила отца. Они жили обычно, без романтики и темперамента, скучно даже.

Отец часто уезжал в командировки. На трое суток или на месяц, в соседний район или в другую республику, тогда еще существующего Союза, его всегда ждали на «праздничный ужин». Даже если это был день и совсем не праздничный мама все равно называла скромное застолье праздничным ужином. Теперь, по прошествии стольких лет, Жанна жалела, что не смогла в своей семье придумать что-нибудь похожее на эти ужины.

Отец всегда привозил что-нибудь Жанне в подарок. Она очень радовалась. В ее серванте до сих пор хранится шкатулка, давным-давно привезенная папой с Урала, а на комодке пылится плюшевый мышонок из Риги, которому Артемка лет восемь назад откусил нос.

Им пришлось переехать к маме. Это был риск потерять очередь на квартиру. И еще был скандал с родителями Олега. Но все пережилось, хотя и нелегко. Жанна попала в больницу, в кардиологию. У нее так болело сердце, что она не могла дышать. «Скорая» увезла ее, и в больничной палате прошел месяц. А потом еще год с больной мамой, с больным сердцем, с печальным молчаливым Олегом, с его обидчивыми родителями, вдруг притихшими, и теперь только полусшепотом спрашивающими у Олега:

– А как же она теперь родит? Сможет ли? Что врачи говорят?

Хотел ли Олег тогда ребенка? Жанна не помнит. Она помнит, что он хотел сначала, как только они поженились, еще до Феодосии. А потом он замолчал, и она считала, что убедила его в том, что не надо спешить.

Прошел еще не один год, и вот они получили квартиру. Это была хорошая квартира в новом микрорайоне. Но она была так далеко от работы, от мамы... И пришлось меняться. Они менялись долго, тройным обменом, словно вошли во вкус, отдали в доплату все, что имели. Потом менялись еще раз, и, наконец, однокомнатная на окраине превратилась в трехкомнатную улучшенной планировки в центре. В этой, последней, квартире, недавно пережившей хороший ремонт, Жанна и сидела теперь, закутавшись в плед, глядя сквозь витражи...

А в той, первой, почти одиннадцать лет назад был зачат Артемка. Жанна еще не была готова, но и оправданий больше не было. Пора было стать матерью.

Узнав, что беременна, Жанна испугалась. Она так испугалась, будто ей предстояло умереть. Ей в самом деле предстояло умереть, и она боялась не воскреснуть. Кто-то посоветовал ей платные роды.

Тогда платные роды только входили в моду. Хотя в Москве уже существовали целые клиники и медицинские центры, в их провинциальном городе была только одна палата в центральной больнице. Продав золотую цепочку, два перстня и лисью шубку, Жанна смогла заплатить необходимую сумму, и оказаться в заветной палате.

У нее было пять соседок, подруг по счастью или несчастью: черненькая, коротко стриженная Светка, мать которой заведовала кафе, грустная Марго, мучившаяся выкидышами из-

за реус-фактора, пышная, круглолицая Надя, папе которой принадлежали десятки бензоколонок, жена владельца бани Марина и, случайно затесавшаяся в их компанию, доярка из района Валечка.

Валечки была мастерицей рассказывать анекдоты. А еще ей нередко случалось в них попадать. Валечка была отправлена из поселка в город на «Скорой», потому что местная акушерка, осмотрев живот, пришла к страшному выводу: у плода две головы. Потом разобрались, что у Валечки будет двойня, скорее всего два мальчика. И в награду за пережитое, положили будущую мамашу в хорошую палату с душем и туалетом, с телевизором и холодильником.

А вот чернявая Светка с глазами-оливками, и постоянно занятыми вязанием руками, все время недовольно ворчала. Все ей было не так!

– Шесть человек загнали как в конюшню. А деньги какие лупят? Я бы ни за что платить не согласилась, если бы не мамочка. А чего платить-то? Это их обязанность! Пусть за зарплату шевелятся. Только вот рожать мне выпадает в новогоднюю ночь. Ведь не дозовешься!

Но ее ворчание не мешало. Светка запомнилась другим, тем, что кормила всю палату свежими булочками и пирожными, которые каждое утро привозил ей мамин шофер.

Серьезная Марго все время читала медицинские книжки. Иногда цитировала на всю палату что-нибудь обнадеживающие, иногда тихонько плакала, роняя слезы на страницы.

Марина Жанне почти не запомнилась, так, симпатичная пустышка. А вот с Надей они стали почти подругами. Надя ждала второго ребенка и очень переживала от неустроенности и безденежья, в которых жила ее семья. Богатый отец не хотел понимать ее трудностей, попрекал тем, что вышла замуж за простого парня, по любви. Первый ребенок Нади получил родовую травму и стал инвалидом, теперь она не могла позволить себе риска.

– Как-нибудь перебьемся, – говорила она, – Пеленки, вещички кой-какие я сберегла, декретные получу, опять же зарплата мужа... Зато родиться мой маленький с комфортом, здоровеньким родиться.

Она ласково гладила свой живот и мечтательно улыбалась

– Эх, ты, кулема, – вздыхала Светка.

А Жанна удивлялась, что бывают такие отцы и деды. Вспоминала своего отца и тоже вздыхала.

Жанна вдруг поразились мысли, что дети рожденные тогда выросли, как и ее Артемка. Им тоже вот-вот исполнится десять. Она представила, как они могли бы собраться все вместе. Это было бы забавно. А впрочем, вряд ли.

В больнице Жанна впервые попробовала киви. Мама привезла ей три, на пластиковой тарелке. Жанна не знала, как их правильно едят. Вертела так и эдак. Наконец, важная Светка преподала ей урок, объяснила сразу и как нужно есть киви и как стыдно быть бедной. Жанна с красным от стыда лицом, в желтом махровом халате и с зеленым киви в руках была похожа на светофор, что стоит на перекрестке. Даже Валечка смеялась над ней тогда, и серьезная Марго едва заметно улыбнулась. Улыбнулась и Надя, только очень печально.

Нет, Жанна не хотела бы их видеть, не их, не их детей.

Потом были роды. Боль. Слабый крик новорожденного мальчишки, летящий снег на полотне окна, долгий сон, пробуждение уже в отдельной палате, посещение родственников, Олег с огромным букетом, суета, счастье...

Дома опять суета и крик, который уже не казался слабым, цветы и родственники.

Она помнит, как всем не понравилось имя Артем. Кто-то сказал

– Темка – Тимофей, так звали кота у моей бабушки.

– Артем! Кажется, был такой революционер.

– Артемон! Как пудель. А почему он у вас не кудрявый?

– В честь кого? Эх вы, родства не помнящие...

Они называли его просто так, отыскав в орфографическом словаре несколько подходящих имен, погадали, как это делают девчонки, желая узнать имя будущего жениха, в ночь перед Рождеством. Вышло, что быть сыну Артемом. Сначала Артемом, потом Артемкой, Темой, Темочкой.

Артемке не было еще года, когда свекровь всех удивила. Она – женщина пятидесяти шести лет, со стажем семейной жизни больше тридцати лет, горожанка-интеллигентка в десятом поколении, всю жизнь проработавшая преподавателем музыки в школе искусств, уехала в село за каким-то заезжим мужичком – баянистом, выступавшим у них на конкурсе самодеятельности. Это был и шок, и стыд, и жалость к брошенному деду.

Но на следующее лето Жанна уже отдыхала с Артемкой в деревне у нового деда, просясь под песню петухов, купаясь в речке, бегая по ромашковому лугу и обедаясь выращенной свекровью, никогда прежде не касавшейся земли, крупной сочной клубникой.

Как не странно свекор не отчаялся и, как говориться, не растерялся. Через год, в свои шестьдесят два, он женился на сорокалетней бабенке с двумя дочками – школьницами. Судачили всякое. Но Жанна подружилась с новой свекровью, и та научила ее готовить отменные борщи и печь тоненькие блинчики.

Перемены всколыхнули семью. Жанна многое поняла. Ну, например, то, что нельзя прожить всю жизнь правильно, и то, что никогда не поздно начать все сначала.

Однако, все шло своим чередом. По-прежнему не хватало денег. Жанна пробовала как-то подработать, то разносила газеты, то торговала в палатке по выходным, подменяя знакомую. Но все это ничего не давало. Выйти на работу – не значило заработать. Учителям платили мало и не регулярно. Появлялось чувство безысходности, бедности, нищеты. Жанна стала замечать, что ее Артемка одет хуже других. Соседский Ванечка смеется над его линялыми штанишками и простенькой футболкой. А его важная бабушка замечает вскользь:

– Открыли чудесный магазин модной детской одежды. Товары настоящие, а не этот ширпотреб, от которого спасу нет.

Она выразительно кивает на Артемку, и в этот момент Жанна понимает, что разобьется в лепешку, и Артем зимой будет ходить в дубленке, а летом кататься на велосипеде! Тогда это казалось пределом мечтаний. А теперь Артем учится в самой престижной частной школе, имеет все, что хочет, и завтра в лучшем детском кафе будет отмечать свой день рождения.

Зазвонил телефон. Жанна потянулась к трубке, лежавшей на плетеном столике:

– Алло.

– Простите, это вас беспокоят из кафе «Улыбка» по поводу праздника.

– Мы все обговорили с администратором и шеф-поваром.

Она говорит резко, потому что она богата, она платит, а все остальное их заботы.

– Да, конечно, я вас прекрасно понимаю, но я директор кафе, и мой вопрос деликатный.

Директор? Уж не Светкина ли мама? А ведь точно она. Может, спросить как там Светка? Кого родила? Наверное, девочку, ведь у нее был такой круглый живот. И, наверное, в новогоднюю ночь.

Но вместо этого Жанна говорит:

– Что за вопрос?

– Вы заказали программу с клоунами. В ней предусмотрены конкурсы и призы. Администратор по недосмотру не включила их в смету.

– Ну так включите.

Жанна возмущена.

– На какую сумму?

– Я думала, что вы не первый день этим занимаетесь.

– Видите ли, призы могут быть разными по стоимости, я бы хотела уточнить, какие вам подойдут?

– Да любые, что за глупости? Можно что-нибудь веселое, ну я не знаю, хлопушки, серпантин, маски.

– Понимаю, – как-то очень многозначительно.

– И еще мягкие игрушки, компакт-диски. На ваше усмотрение.

Жанна кладет трубку. Она не может понять в чем деликатность вопроса. Неужели в стоимости призов? Какая разница. Завтра Артемке 10!

Раз уж пришлось прервать цепочку воспоминаний, Жанна нехотя вылезает из-под теплого пледа и отправляется варить кофе. На кухне она молчит. Не думает ни о чем, просто пьет настоящий кофе и возвращается в кресло-качалку, словно писатель к пишущей машинке. По пути смотрит в зеркало. Второй год как она стала блондинкой, и никак не привыкнет. Ее стилист говорит, что все просто супер, а она видит в этом признак надвигающейся старости, больше ничего. Закрасила седые волосы и рада, как простая баба с прожиточным минимумом в месяц. И еще она стала поправляться. Не спасают тренажеры и диеты. Сорок лет – бабий век. Сколько не истязай себя правильным образом жизни, а время берет свое. Пожалуй, лучше повышать настроение пирожными и конфетами, может быть тогда не будет сердитых морщинок на лбу.

Завтра Артемке вывезут на специальном столике двухэтажный торт с десятью свечами. Она вспомнила, что когда ему исполнилось два с половиной, Олег купил большущий торт, как раз килограмма на два с половиной. Они уплетали этот торт несколько дней, а потом голодали на кефире до самой зарплаты.

В 32 года Жанна пошла учиться на парикмахера. Она с детства любила делать прически. Как-то обстригла дорогую немецкую куклу. А потом сколько раз подстригала саму себя и подружек. Бывало, что делала прически к выпускному и к свадьбе. Так почему бы и нет?

Когда настал срок возвращаться на работу, она уже стала предпринимателем – парикмахером с мизерным доходом и великими планами. Пока она работала прямо на дому, отыскивая клиентов через знакомых и объявления в газетах. Иной день зарабатывала больше, чем за полмесяца в школе, иной ничего. Ни отпускных, ни больничных, нервотрепка с налогами, но ей нравилось делать прически, нравилось, что Артемка всегда рядом, и что деньги живые, отработал – получил, не надо ждать месяцами, словно подачки. И Жанна решила уволиться из школы.

Пришла подавать заявление с дрожью. Мучилась перед этим не день и не два. Хотелось произвести впечатление. Купила новую сумочку, положила в нее игрушечный мобильник. Учителя ни разу не видели вблизи настоящего, пусть удивляются. И сумочку заметили и мобильник, но все равно крутили у виска, кто ж в такое время бросает работу с гарантированной зарплатой, в стране кризис за кризисом, а она в парикмахерши без стартового капитала, даже без рабочего места. Ну подрабатывала бы, а так, глупо.

А она подстригла, причесывала, снижая цену, гоняясь за клиентами, исправно платя налоги, и каждый месяц имела все меньше и меньше.

Когда ей исполнилось 33, она ревела как раненая волчица. Пришел возраст Христа. И ничего.

Как-то к ней приехала подруга из Москвы, бывшая однокурсница, теперь преуспевающий издатель. Они переписывались, и Жанна врала ей в письмах, как хорошо живет. И вот тебе на!

– Ты парикмахерша? Не смеши! С твоими -то мозгами!

– Если ты такой умный, то почему такой бедный? Ты об этом что ли?

– Я о тебе. Ты же писала, что работаешь в частной школе, что...

– Ну, все, все, а то я сгорю со стыда... Жанна чувствовала себя почти также как тогда, когда впервые ела киви на глазах у богатеньких беременных дамочек.

– Нет, ты погоди.

– Все, все, все.

Они больше не говорили об этом. Только один совет на прощание:

– Бери дорожку, намного дорожке, цени себя выше, и другие оценят.

Жанна послушалась этого совета. Полгода просидела без клиентов. Но вот пришла к ней одна мадам, и все закрутилось.

– Вы просто кудесница, волшебница! – восклицала она, глядя на свое отражение в зеркале. Так меня преобразили, не узнать. Восторг!

– Я рада, что вам понравилось, приходите еще, – улыбнулась в ответ Жанна.

– Знаете что, я женщина деловая, практичная и благодарная, хотите, я вам помогу?

И она помогла. Уже через полгода у Жанны была своя парикмахерская, а когда Артемка пошел в школу, она открыла салон красоты «Шарм». Самый дорогой в городе, самый престижный.

Что ей тогда помогло: совет подруги, мамины молитвы, терпение, труд или просто случай, везение? Скорее всего, не бывает одно без другого, все должно сойтись, как звезды, как карты. И тогда придет успех.

Когда ее бизнес пошел в гору, Олег закончил службу. Не зря говорят, что деньги идут к деньгам. Совсем скоро он заработал первую тысячу долларов, перепродавая компьютеры. Сейчас он совладелец крупной фирмы по продаже и ремонту оргтехники.

У них есть квартира, машина, дача, деньги, сын.

Пару месяцев назад Жанна была у гинеколога, что-то стало разлаживаться в ее женском организме. Обидно. Людмила Петровна, пухленькая, улыбчивая, говорила и говорила, объясняя прописные истины. Жанна давно все поняла, встала, пытаясь прервать монолог, сказала:

– Все ясно.

– Прекрасно, дорогая, учти, подумай. А то ведь аборт придется делать. Хорошо ли это? Рожать то уж, наверное, не собираешься?

Последний вопрос прозвучал нехорошо как – то, мол, ну не дура же ты совсем?

А почему собственно? Да и какое ее дело. Подумаешь, первые сбои, что ж так сразу в старухи записывать?

Внизу за окном визг тормозов. Больное, не долеченное когда-то сердце екнуло. Жанна вскочила, откинув плед. Потрясла фрамугу, открыла не сразу, еле разобравшись в новых хитрых замочках. Выругалась. Совсем стала сумасшедшая! Артем сейчас на четвертом уроке, гувернантка встретит его в 12.30. и приведет, через сквер – и дома. Из другого окна школу видно. А она от скрипа тормозов в панике! Почему?

В дверь позвонили. Она вздрогнула, взглянула на часы. Не уж то и впрямь что-то не так? В глазок увидела соседку Римму. Это старшая сестра буржуа- Ванечки, с детства разодетого в фирменные шмотки. А теперь Римма помогает Жанне по хозяйству.

– Ты чего, Риммуль?

– Заглянула спросить, как насчет завтра?

Жанна не могла припомнить: пригласил Артемка Ванечку или нет.

– А что завтра?

– Ну, завтра ведь день необычный. Может быть, я с утра понадобится, пораньше?

– Как всегда, – отрезала Жанна, – Для нас день необычный, для тебя обычный.

– Извините, что беспокоила.

– Ты не в магазин?

– Да.

– Купи мне мороженое.

Римма побежала вниз по лестнице. Смышленная девица. Но не с того начала. Пошла в услужение, цену снизила...

Еще два часа, и Артемка вернется из школы. Пожалуй, она успеет съездить в салон. Там есть дела. Потянулась к телефону, чтобы вызвать такси. Нет. Надоело все. Что салон? Арендованное помещение и девятнадцать нанятых сотрудников. Уволь их, перестань платить аренду, распродай оборудование – и все, нет салона. Нет проблем. Никуда не нужно спешить, готовить отчеты, ублажать клиентов, заботиться о рекламе, бояться разных проверок. Суетно и бессмысленно. Зачем ей все это? Деньги зарабатывает Олег. А она нужна Артему. Или уже не нужна?

Кому она нужна? Клиентам что ли? Или парикмахершам? Или Олегу день и ночь пропадающему где-то в околокомпьютерном мире?

Ну вот, а цыганка говорила счастье... Квартира, машина, дача, деньги, сын, дочь. Дочь? Почему она не родила дочь? Об этом она говорила с Олегом два года назад. А он ответил:

– Ну что ты, дорогая, только зажили по-человечески. За границей еще ни разу не были...

И в прошлом году:

– Тогда нужно строить дом. Двое детей, нас двое, да и еще и теща к нам просится. Не много ли нас получится в этой квартире? Как ты думаешь?

– Маме еще нет шестидесяти пяти. Она вполне самостоятельная женщина. Ты рано испугался.

– А-а. А я то подумал: в трех комнатах с тещей и новорожденным. Да еще вы с Артемкой, – говорил, уже глядя в монитор.

Не понимал, что говорил. А она поняла. За все в жизни надо платить. Иногда не деньгами, а наоборот. Может быть, неправильно поняла?

Дом строить не стали. Дорого, хлопотно. Да и не к чему вроде бы. Наверное, не будет у них дома – цыганка не нагадала.

А дочка будет! Будет, если Римма принесет эскимо. Если что-то другое – нет. Господи, какие глупости.

Минут через десять Римма принесла эскимо.

Жанна наслаждалась его вкусом как никогда раньше. Будто это был вкус счастья.

Через полгода она родила девочку.

Всего одна ночь

На плите в широкой кастрюле закипала вода дляпельменей. Оксана сидела на облупленной табуретке у кухонного стола. Пятилетний Степка возился в комнате со своими машинками. С картонной пельменной пачки, наполовину опустошенной за завтраком, на Оксану смотрел довольный мальчуган, вымазанный сметаной. Ну и что, что на обед опять пельмени, самые дешевые без вкуса и запаха, и даже без сметаны? Зато Оксана сумеет приготовить их так, что Степка пальчики оближет. Она обжарит их в подсолнечном масле с луком, или сделает густой соус из сухого молока, чеснока и моркови. В конце концов, не совсем же у них в доме пусто, не голодают. На ужин можно кашу сварить.

Вода призывно забулькала.

– Тебе сколько штук? – крикнула Оксана в комнату.

Степка гудел в ответ, как грузовик.

– Ну, спрашиваю же!

Зачем? Все равно он не очень- то разбирается. Да и варить надо все, что осталось, тут немного.

– Шесть! – выпалил подбежавший Степка, – Сколько мне будет лет зимой!

– А ну давай отсюда, а то кастрюлю на себя перевернешь, – заворчала Оксана.

Мальчишка ест на обед шесть пельменей, а его папаша объедается деликатесами на Кипре. И где она справедливость? Пожалуй, надо подавать на алименты. К чему эти муки, угрызения совести? Ведь это он, Борис, во всем виноват! Это он бросил ее с грудным ребенком ради белокурой бестии, гремучей смеси красоты и порока.

Тогда он был безработным инженером. Но эта гадина все хорошо рассчитала. Она приняла его нищим и заставила стать богатым. Есть такие женщины. Он бросил все ради нее. Ушел даже без чемодана и пресловутой зубной щетки. Если бы все было иначе! А то словно вышел на часок, а то и вовсе как будто умер, не поймешь. Вот они вещи все на месте, а его нет. День нет, месяц нет, год нет...

Теперь он владелец двух магазинов и десятка торговых палаток. Теперь у него растет очаровательная дочурка. Теперь уже нечего ждать.

Оксана не стала подавать на алименты. Ведь он оставил квартиру, он все им оставил. Было совестно скандалить. И надежду оставил, что вернется. Она ждала.

Потом он пришел хмурый, виноватый. Спросил, чем помочь. Она вспылила. Он пришел еще раз привез фрукты, конфеты, немного денег. Оксана взяла. И дальше, в другой, в третий раз ругала себя, но брала.

Степке на день рождения Борис подарил музыкальный центр. Оксана догадалась, что в тайне от жены. Поморщилась, но взяла. И опять Борис привозил какие-то мелочи, продукты, игрушки. Все шло своим чередом.

Пора это прекращать. Подарки подарками, а ребенок должен питаться каждый день, хорошо питаться! Так же как балованная, румяная дочка Бориса и этой стервы.

Сердитые мысли точили Оксане душу. От бедности, из вредности... Но все равно по сути она права, так все говорили. Ждать теперь уже нечего, злиться не на кого.

– Степка, обедать!

– Ж-ж-ж, сейчас.

– Остынет же!

И чего она Степку в детсад сегодня не повела? Лень вставать было утром! Там хоть накормили бы. А то ведь еще два выходных впереди, а денег осталось тридцать пять рублей до среды. И то если аванс выпишут.

Зазвонил телефон. С работы, наверное, не дадут человеку спокойно поболеть недельку.

– Алло.

– Привет, Ксюш, ты?

– Я.

Голос не узнала. Да и на работе не зовет ее так никто.

– Это Надя Красовская.

– Надька? Вот не ожидала.

Они когда-то вместе учились в институте, потом встречались время от времени, раз в году, то случайно, то у общих знакомых. Но с тех пор как Борис ушел, Оксана стала жить затворницей, и вот уж скоро четыре года, как они с Надькой только перезваниваются под Новый год да в дни рождения.

– Удивилась? Давно не виделись, да видно придется! Повод есть!

– Да? Какой?

– Мы с Павликом открываем ресторан! Сегодня презентация! Приглашаю!

В голосе восторг, счастье. Есть чему радоваться. Павлик учился с ними на курсе. Все посмеивались, когда красавица Надька пошла за него замуж. И вот вишь как выдурился, ресторан открывает.

– Я даже не знаю... Неожиданно так...

– Да брось ты мямлить. Подруги мы с тобой или нет? Пять лет в институте, десять после. И ты мне отказываешь?

– Я рада за тебя, правда. Но мне идти одной неудобно. Да и болею я, простыла.

– А я то удивилась, чего это ты дома в пятницу, середь бела дня. Всем звоню – одни гудки. А то, что одна – это даже лучше, у нас с мужиками перебор. Знаешь, кто жену свою не хочет тащить, старую вешалку, кто еще не женился, а кто уже развелся. Люди все состоятельные, без комплексов. А ты очаровательная женщина, свободная. И чтоб я не слышала про твои болезни!

– Ладно, я тут прикину, подумаю. Ты мне перезвони попозже.

– Слушать не хочу! В 18.00 без опоздания.

Потом адрес на другом конце города. И короткие гудки.

Сколько там осталось в запасе? Часа четыре? Отвезти Степку к маме на дачу Оксана не успевала. Значит, придется просить Маринку. У нее своих трое ребятишек, четвертый не помешает.

– Алло, Марин, выручи. Меня в ресторан пригласили, а Степку оставить не с кем. Я его к тебе сейчас закину?

– Это кто ж тебя пригласил?

С Мариной Оксана познакомилась в роддоме. С тех пор созванивались каждый день. Знали друг про друга все до мелочей.

– Ой, да знакомая одна, так...

– Да уж не оправдывайся. Приводи Степана.

По дороге купила ребятам четыре карамельки. Ничего, Маринка не осудит.

– Я тебя такой никогда не видела! Глазки-то как заблестели!

Издевается, или правда?

Домой пришла, вымыла голову, феном высушила, вытащила из шкафа вещи. Все не то. Вязаные кофточки, затертые и растянутые, годами ношенные. Брюки с местного вещевого рынка, юбка одна на все случаи жизни. Костюм слишком простой, строгий, да и блузки для него нет подходящей.

Вышла на балкон. Что за погода! Скоро середина лета, а тепла еще не было. Дождь срывается, ветер холодный. Нет, в шелковом платье с вырезом идти нельзя. Значит, остается только тот костюм с накидкой, что в прошлом году Борис подарил ей на тридцатилетие. Уже

скоро год как весит с этикеткой. Думала продать. Зачем ей такая дорогая роскошная вещь? А почему бы и нет? Решительно оторвала этикетку.

В половине пятого она уже стояла у зеркала шикарно одетая, напудренная, подкрашенная, пахнущая духами. Жаль, что у Маринки не попросила нитку жемчуга. А впрочем, с золотой цепочкой даже элегантнее, изысканней. Ой- ой- ой. Только «Нафтизин» забыла в нос закапать. Она пошла на кухню за пипеткой. Телефонный звонок заставил вернуться. Ну кто там еще? Мама с дачи приехала, или Степка номера откалывает?

– Слушаю.

– Ну, чего ты там, передумала?

Надька каким-то недовольным голосом.

– Вообще – то собираюсь.

– То пойду, то не пойду, то перезвони, то болею. Так что извиняй, я тебе замену нашла, пока ты кочевряжилась.

– Вот тебе на! Шутишь что ли?

– Ну, обиделась. Брось, мы еще с тобой погуляем. Ресторан-то теперь мой.

– Ладно, не очень-то и хотелось.

– Созвонимся потом, договорились? Ты только не дуйся, накладочка вышла. Павлик пригласил своих, я – своих. Восемь человек лишних. Ну чего там в тесноте давиться, правда? Мы широко гульнем! Жду на день рождения. Пока.

Вот облом! Давно такого не случалось. Маринка обхохочется. Или сделать вид, что ходила?

В дверь позвонили. Час от часу не легче! Не открывать что ли? А то стоит разнаряженная как кукла и никуда не собирается. Тихо сам с собою... Второй звонок более настойчивый. Подошла, прислушалась, открыла.

На пороге стоял Борис, с тремя пакетами в руках и маленькой сумочкой под мышкой.

– Привет. Долго не открываешь. О-о-о! Не одна что ли?

– Одна. Заходи.

Вошел. Пригладил чуть намокшие под дождем волосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.